

Спустя два десятилетия, в 1942 г., Е.А. Щукина неожиданно объявляется в оккупированном немцами Крыму, где проживает в это время «настоящая» Достоевская – Екатерина Петровна, жена покойного сына писателя, Федора Федоровича. Сориентировавшись на месте и сообразив, что имя Достоевского худо-бедно почитается на родине Гете и что это *товар*, она добивается вида на жительство, украшенного знаменитой фамилией. Неясно, по собственной или же по немецкой инициативе *родственница классика* начинает выступать по радио и в печати – разумеется, в определенном ключе. Не слишком осведомленные в генеалогии подпольщики Крыма принимают именитую коллаборационистку за Екатерину Петровну Достоевскую и адресуют последней весьма недвусмысленные угрозы. В свою очередь Екатерина Петровна пытается уличить самозванку. «Даже мои знакомые, хорошо знающие меня и мою жизнь, – с негодованием пишет она А.Л. Бему,¹⁶ – сообщают мне, что мое выступление слышали и мою благодарность Фюреру за заботу обо мне».

Вечная участь Достоевского – быть идеологом: разменным аргументом в борьбе миров. И если фашистские самолеты сбрасывают на позиции советских войск листовки с цитатами из «Дневника писателя»¹⁷ (интересно, не привлекалась ли нами в качестве контрпропаганды «Ода к радости» Шиллера?), то еще соблазнительнее использовать в своих политических целях родственников цитируемого автора.

В 1952 г. в мюнхенском сборнике «Литературный современник» появятся «воспоминания» Щукиной – само собой под другой, «родовой» фамилией. Там, естественно, уже не будет благодарностей фюреру. Однако это сочинение тоже призвано было произвести эффект.

Е.А. Щукина пытается уверить эмигрантскую публику (от которой длительность ее брака, а тем более факт развода тщательно скрываются), что ее муж Милий Достоевский был арестован в марте 1923 г. как японский шпион (вспомним, что именно в те дни В.С. Нечаева вывозит его из больницы имени Короленко для помещения в более комфортабельные условия), затем, отбыв срок, оказался в ссылке на Земле Франца-Иосифа, а после освобождения (по ходатайству К.Е. Ворошилова и др.) вновь получил «десятку». Мемуаристка рисует трогательную картину встречи с дорогим мужем, которая состоялась в марте 1937 г. (он умер в феврале) «на ферме № 2 НКВД» под Мариинском. Старик с седой бородой, с распухшими от непосильной работы руками сдержанно повествует готовой разрыдаться супруге о тяготах лагерной жизни. «Я видела, как он похудел, как изменился, как вздрагивал от каждого случайного стука...». Великодушно продлив жизнь мужу лет этак на пять, мемуаристка не забывает указать место его последнего успокоения – разумеется, в недрах Сибири.¹⁸

«Это поэма», – говаривал в подобных случаях Герцен.

Екатерина Петровна Достоевская, после войны также оказавшаяся за границей, кропотливо собирала материал «по делу Щукиной»: по смерти собирательницы он (бесследно?) исчез.

Итак, Екатерина Михайловна (дочь) и Милий Федорович (внук) умерли бездетными. Однако ветвь М.М. Достоевского не пресеклась.

Дочь Федора Михайловича-младшего (и сестра Милия) Татьяна Федоровна по примеру отца избирает музыкальную карьеру. Родные характеризуют ее как умную, самостоятельную и довольно замкнутую особу. В 1919 г. она оказывается в Калуге, где в возрасте 33 лет рождает дочку Ирину, от-

16. Проживавший в Чехии крупный филолог, выходец из России, председатель Общества Достоевского. См. подробнее: Письма из Maison Russe. СПб. 1999. С. 252-253. Примечания Б. Н. Тихомирова.

17. Факт, сообщенный автору этих строк покойным писателем-фронтовиком Анатолием Наумовичем Рыбаковым, который полушутя-полусерьезно сетовал, что ему из-за этих воспоминаний трудно читать Достоевского.

18. См. подробнее: Н.Н. Богданов. Правда и ложь о жизни и смерти Милия Достоевского. – Достоевский и современность. Великий Новгород, 2006. С. 422-433.